

ВЪЧНОЕ

II

1949

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

1. Преп. Ефремъ Сиринъ. Утрѣнное пѣніе.
 2. Подготовительныя седмицы къ Великому Посту.
 3. Преосвященный Теофанъ. Л. Ф-ва.
 4. Смысль притчи о неправомъ управительѣ. Еп. Теофана Затворника.
 5. Святоотеческое толкованіе на Евангеліе отъ Матѳея: Гл. 6, 14-21.
 6. Изъ Отечника.
 7. Притча о двухъ господахъ, или служеніе міру и служеніе Богу.
 8. Новыя книги.
-

В Ъ Ч Н О Е

L'ETERNEL

Февраль 1949 г.

№ 2 (14).

Преп. Ефремъ Сиринъ (IV вѣкъ).

УТРЕННЕЕ ПѢНІЕ.

Хвалите Бога утромъ, чада Церкви. Всякое утро будемъ славословить Благаго и поклоняться Ему, устроившему свѣтила въ область дне и въ область ночи.

Покрывало ночи поднято, и возсіялъ свѣтъ Божій надъ тварію; явленіе утра пробуждаетъ спящихъ. Свѣтъ Твой, Господи, да озаритъ сердца наши.

Самъ Ты, Господи нашъ, научи насъ славословить Тебя и вложи жизнь въ души наши; и какъ извелъ насъ изъ тьмы, такъ избавь насъ отъ геены.

По милости Твоей, напитай чадъ Церкви, прилѣпившихся къ Тебѣ. Заступникомъ нашимъ да будетъ милосердіе Твое, Господа утра и вечера.

Благодать Твоя, Господи, да сопровождаетъ насъ и да приведетъ къ великому утру. Десница щедротъ Твоихъ да ущедритъ насъ благословеніями, и ею да преидетъ огненное море.

Небо, и земля, и все, что на нихъ, съ ними вкупѣ да славословить Тебя за обращеніе наше. Славословіе Тебѣ, поклоняемому Отцу, и Единородному Твоему Сыну, и Духу Святому.

ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЯ СЕДМИЦЫ КЪ ВЕЛИКОМУ ПОСТУ.

Постъ есть время покаянія, а такъ какъ для покаянія необходимы сознание своего недостойнства, надежда на милосердіе Господа, страхъ осужденія и готовность прощать другимъ, то предъ началомъ поста и возбуждаются въ насъ эти чувства.

За три седмицы до поста, въ воскресенье, читается евангеліе, заключающее притчу о мытарѣ и фарисеѣ (Лк. 18, 10-14), а въ пѣснопѣніяхъ утрени объясняется смыслъ этой притчи, научающей насъ смиренію. Воскресенье, это называется *не дѣлю о мытарѣ и фарисеѣ*. Съ этого воскресенья, до воскресенья пятой седмицы поста на воскресныхъ утреньяхъ послѣ пѣсни: «Воскресеніе Христово видѣвше»... поются покаянные тропари, внушающіе смиреніе.

Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче, утренюетъ бо духъ мой ко храму святому Твоему, храмъ носяй гѣлесный весь оскверненъ: но, яко щедръ, очисти благоутробную Твоею милостію.

На спасенія стези настави мя, Богородице, студными бо окаляхъ душу грѣхми и въ лѣности все житіе мое иждихъ: но Твоими молитвами избави мя отъ всякія нечистоты.

Множества содѣянныхъ мною лчотыхъ помышляя окаянный, трепещу страшнаго дне суднаго: но надѣясь на милость благоутробія Твоего, яко Давидъ вопію Ти: помилуй мя, Боже, по величїи Твоей милости.

Жизнодавецъ! отвори мнѣ двери покаянія, ибо душа моя съ глубокаго утра стремится къ Твоему святому храму, т. к. ея храмъ гѣлесный весь оскверненъ: но Ты, какъ щедрый, очисти его по Твоей безмѣрной милости.

Богородица! наставь меня на путь спасенія, ибо я осквернилъ душу свою постыдными грѣхами и всю жизнь свою провелъ въ лѣности; но Ты Своими молитвами избавь меня отъ всякой нечистоты.

Я, несчастный, помышляя о множествахъ совершенныхъ мною беззаконій, трепещу страшнаго дня суда; но, надѣюсь на Твою безмѣрную милость, какъ, Давидъ, взываю къ Тебѣ: помилуй меня, Боже, по великой Твоей милости.

Послѣ этого воскресенья, чтобы яснѣ научить насъ не гордиться и не хвалиться исполненіемъ дѣлъ закона, какъ фарисей въ притчѣ хвалился соблюденіемъ постовъ, оставляется постъ среды и пятницы, отчего вся недѣля называется сплошною седмицею.

Въ воскресенье, слѣдующее за сплошною седмицею, на литургіи читается изъ евангелія притча о блудномъ сынѣ (Лк. 15, 11-32) научающая насъ, раскаяваясь въ грѣхахъ, не отчаиваться въ своемъ спасеніи, а надѣяться на милосердіе Господа, своего небеснаго Отца. Воскресенье это называется недѣлею о блудномъ сынѣ. Главная мысль дневныхъ пѣснопѣній выражается въ псалмѣ 136: «На рѣкахъ Вавилонскихъ»..., который поется на утрени, послѣ поліелейныхъ псалмовъ (см. Псалтырь). Евреи его пѣли въ плѣну Вавилонскомъ. Грѣшниковъ онъ возбуждаетъ уразумѣть свое несчастное состояніе въ плѣну грѣха и діавола, подобно іудеямъ, въ плѣну Вавилонскомъ, понявшимъ свое горькое положеніе и раскаявшимся. Въ этомъ псалмѣ изображается скорбь души, тоскующей о своемъ небесномъ отечествѣ. Послѣдній стихъ псалма: «блаженъ, иже иметъ и разбьетъ младенцы твоя о камень», въ переносномъ смыслѣ означаетъ: блаженъ тотъ, кто имѣетъ мужество и силу сокрушить о камень вѣры младенцевъ грѣха, т. е. только что родившіеся лукавые помыслы, порочныя движенія сердца, постыдные порывы воли, прежде чѣмъ они овладѣютъ его душою.

Въ воскресенье, слѣдующее за седмицею Блуднаго сына, читается Евангеліе о Страшномъ судѣ (Мѡ. 25, 31-46). Этимъ чтеніемъ намъ напоминаетъ, чтобы мы, надѣясь на милосердіе Божіе, не забывали бы и правосудія Его и не впадали бы въ безпечность. Это воскресенье, называется мясопустнымъ, потому что съ нимъ кончается яденіе мяса. Наканунѣ, въ субботу, совершается поминовеніе всѣхъ умершихъ праотцевъ, отецъ и братій нашихъ, для которыхъ время покаянія прошло и которые могутъ получить милость Божію только по молитвамъ, живущихъ на землѣ. Вся замѣчательная служба родительской субботы и наполнена молитвами объ упокоеніи умершихъ.

За мясопустомъ слѣдуетъ сырная седмица (масленица), служащая преддверіемъ поста. Называется она такъ потому, что въ продолженіе ея разрѣшено яденіе сыра, масла и яицъ. Во всѣхъ пѣснопѣніяхъ этой седмицы вспоминается грѣхопаденіе Адама и указывается, что оно произошло отъ невоздержанія. Въ среду и пятницу совершается

почти великопостная служба съ чтеніемъ молитвы преп. Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего»... и литургіи не бываетъ.

Послѣдній день этой седмицы, воскресенье, называется с ы р о п у с т о м ъ, такъ какъ имъ оканчивается яденіе сыра, масла и яицъ. Евангеліе на литургіи этого дня повелѣваетъ намъ прощать грѣхи другъ другу (Мѡ. 6, 14-21). Вотъ почему въ этотъ день у христіанъ существуетъ обычай просить другъ у друга прощенія своихъ грѣховъ и стараться помириться со всѣми. Отсюда этотъ день получилъ названіе п р о щ е н н а г о воскресенья. Вечеромъ этого дня совершается вечерня съ трогательнымъ обрядомъ прощенія.

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ТЕОФАНЪ, ЗАТВОРНИКЪ ВЫШЕНСКІЙ*).

Епископъ Теофанъ, въ мѣрѣ Георгій Васильевичъ Говоровъ, былъ сыномъ священника и родился 10 января 1815 г. въ селѣ Чернявскѣ Орловской губ. Родители его, люди глубокой вѣры, воспитывали дѣтей въ строгихъ нравахъ и требовали отъ нихъ порядка и дисциплины въ жизни, но эти требованія растворяли горячей любовью къ своимъ малышамъ.

Георгій отличался прекрасною памятью, блестящими способностями и, когда его 8-ми лѣтъ отвезли въ Ливенское духовное училище, онъ сразу сталъ въ рядъ лучшихъ учениковъ. Въ 1829 г. онъ перешелъ въ Орловскую духовную семинарію, и здѣсь складъ его ума, характеръ и наклонности вполне опредѣлились. Молодой Говоровъ живо интересовался всѣми предметами, преподаваемыми въ семинаріи, и особенно полюбилъ догматику, психологію и изученіе Св. Писанія. Въ непорочной душѣ скромнаго юноши царил гармонія внутреннихъ чувствъ. и потому онъ былъ веселъ, привѣтливъ, доброжелателенъ, и лицо его свѣтилось ясною улыбкою.

По окончаніи семинарскаго курса Георгій Говоровъ былъ посланъ на казенный счетъ въ Кіевскую духовную академію. Серьезный студентъ съ большимъ прилежаніемъ вникалъ въ богословскія науки. Рѣшеніе посвятить себя на служеніе Церкви въ иноческомъ чинѣ созрѣло въ немъ на

*) Перепечатка: воспрещается.

академической скамьи. Согласно своему прошенію, 25-го февраля 1841 г. Георгій былъ постриженъ въ монашество съ нареченіемъ имени Теофана. Курсъ академіи молодой инокъ закончилъ въ санѣ іеромонаха со степенью магистра богословія.

Свою службу Церкви Божіей о. Теофанъ началъ, на поприщѣ духовно-воспитательной дѣятельности. Психологъ по природѣ, онъ наблюдалъ душевныя наклонности своихъ воспитанниковъ и внушалъ имъ, что главнымъ дѣломъ ихъ должно быть богоугожденіе, а наука есть только придаточное качество, случайность, годная только для временной жизни. О томъ, какъ смотрѣлъ о. Теофанъ на дѣло воспитания дѣтей, видно изъ одного его письма по этому вопросу:

— «Воспитатель», писалъ онъ, «долженъ пройти всѣ степени христіанскаго совершенства, чтобы впослѣдствіи умѣть держать себя, быть способнымъ замѣчать направленія воспитываемыхъ, и потомъ дѣйствовать на нихъ терпѣніемъ, успѣшно, сильно, плодотворно. Это должно быть сословіе лицъ чистѣйшихъ, богоизбранныхъ, святыхъ. Воспитаніе изъ всѣхъ дѣлъ самое святое...»

— «Должно быть непреложнымъ закономъ, чтобы всякая наука, преподаваемая христіанину, была пропитана началами христіанскими, притомъ православными. У насъ самое опасное заблужденіе то, что преподають науки безъ всякаго вниманія къ истокамъ вѣры, позволяя себѣ вольность или ложь въ томъ предположеніи, что вѣра и наука — двѣ области разъединенныя».

Должность воспитателя въ нѣсколькихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ о. Теофанъ проходилъ около 5-ти лѣтъ, но внѣшнія хозяйственныя административныя обязанности тяготили молодого инока, склоннаго къ уединенію и сосредоточеннымъ письменнымъ трудамъ.

Въ 1846 г. въ его службѣ произошло измѣненіе, вполне соответствующее его духовному настроенію. О. Теофанъ былъ назначенъ членомъ открытой въ Іерусалимѣ Россійской духовной миссіи. Св. земля, освященная памятью евангельскихъ событій, служила благоговѣйному иноку источникомъ глубокихъ душевныхъ переживаній и неизгладимыхъ воспоминаній. О. Теофанъ посѣщалъ древніе монастыри, гдѣ знакомился съ преданіями о подвигахъ отшельниковъ прошедшихъ временъ и видѣлъ жизнь современныхъ аскетовъ. Зная древніе языки, онъ знакомился на мѣстѣ

съ манускриптами восточныхъ отцевъ, что впоследствии дало ему много матеріала для его ученыхъ трудовъ.

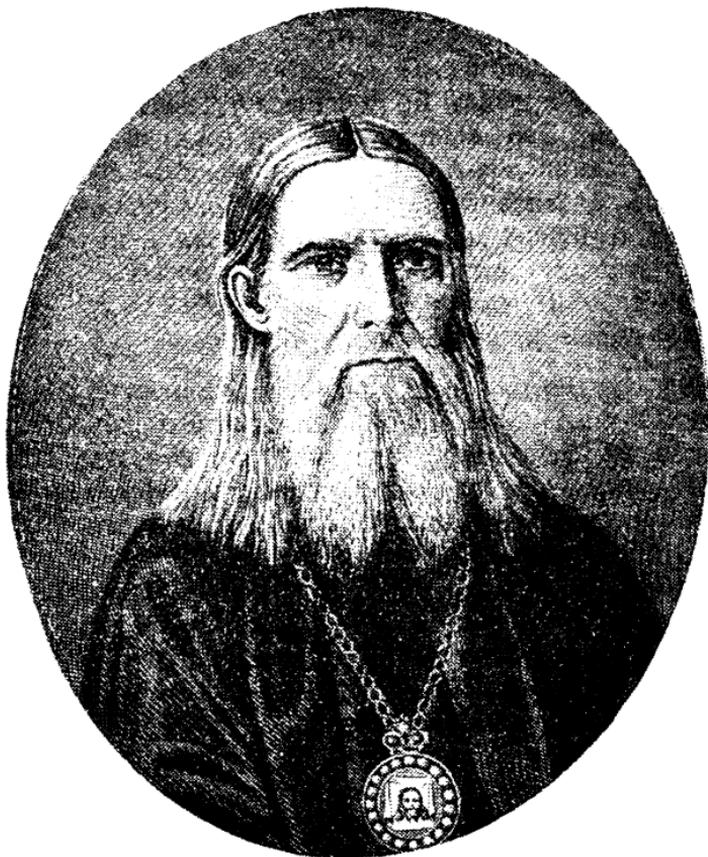
Въ 1855 г. іеромонахъ Теофанъ былъ вызванъ въ Россію, возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ ректоромъ Олонецкой духовной семинаріи. Но онъ и года не успѣлъ пробыть въ этой должности, какъ вновь былъ отправленъ за границу, гдѣ ему было вручено настоятельство Русской посольской церкви въ Константинополь. Этимъ вторичнымъ пребываніемъ на Востокъ архимандритъ Теофанъ воспользовался для продолженія изученія восточнаго монашества и частыхъ поѣздокъ на Аѳонъ.

Имя отца Теофана становилось извѣстнымъ въ духовныхъ кругахъ; его знаютъ, какъ человѣка глубоко образованнаго и практически изучившаго аскетическую жизнь у самыхъ источниковъ иночества. Его вызываютъ въ Петербургъ и назначаютъ ректоромъ Санктъ-Петербургской духовной академіи. Въ этой должности онъ пробылъ недолго. Въ 1859 г. онъ посвященъ во епископа Тамбовскаго. Преосвященный Теофанъ принялъ высокій санъ по послушанію къ высшей духовной власти. При нареченіи во епископа онъ сказалъ, что предпочелъ бы имѣть мѣсто, гдѣ могъ бы предаться занятіямъ по сердцу. Изъ этихъ словъ можно предположить, что и тогда въ душѣ его складывалось намѣреніе трудиться на благо Церкви на иномъ поприщѣ, чѣмъ служеніе епархіальнаго архіерея со всѣми его многоразличными обязанностями, заставляющими быть на виду общества. Преосвященный Теофанъ епископствовалъ 7 лѣтъ, занимая сначала Тамбовскую, а затѣмъ Владимірскую кафедру. Онъ ревностно исполнялъ свое архипастырское служеніе, привлекалъ всѣхъ привѣтливымъ и участливымъ обращеніемъ и заслужилъ любовь духовенства и паствы, но хлопотливая служба епархіальнаго архіерея отвлекала его отъ богосозерцанія и молитвы. Онъ мечталъ о полномъ уединеніи и затворѣ. Будучи тамбовскимъ архіереемъ, владыка прѣсмотрѣлъ скромный Вышенскій монастырь, живописно расположенный на берегу р. Выши.

— «Нѣтъ ничего краше Вышенской пустыни», говаривалъ преосвященный еще задолго до своего ухода въ затворъ.

Въ 1866 г. преосвященный рѣшилъ осуществить задуманное рѣшеніе. Онъ подалъ въ Святѣйшій Синодъ прошеніе объ увольненіи на покой. Члены Синода были поражены этою просьбою, такъ какъ ни годы, ни теченіе служ-

бы еп. Теофана не могли быть тому причиною. Санктъ-Петербургскій митрополитъ Исидоръ запросилъ владыку Теофана, что побуждаетъ его принять такое рѣшеніе. Послѣдній отвѣтилъ, что подѣ увольненіемъ на покой онъ не разумѣетъ ничегонедѣланіе, а ищетъ возможности работать на благо Церкви посредствомъ письменныхъ трудовъ, чему мѣшаетъ дѣятельность епархіальнаго архіерея, требующая

время на административное управленіе. Кромѣ того, святитель открылъ, что ищетъ уединенія для посвященія себя созерцательной духовной жизни въ тиши и безмолвіи. Тогда Синодъ удовлетворилъ ходатайство преосвященнаго, назначилъ ему для пребыванія Вышенскую пустынь, опредѣлилъ внѣшнія условія его жизни, согласно выраженному имъ желанію, и назначилъ ему 1000 рублей годовой пенсіи.

24-го іюля 1866 г. еп. Теофанъ отслужилъ въ послѣд-

ній разъ литургію въ кафедральномъ соборѣ и обратился къ паствѣ съ проникновеннымъ словомъ. Въ этой рѣчи, дышащей задушевностью и искреннимъ желаніемъ добра, святитель обратилъ вниманіе слушателей на то, что въ настоящее время умножаются разныя льстивыя и лживыя ученія, подрывающія основы вѣры, нравственности, семейнаго счастья и порядка въ государствѣ. Онъ просилъ свою паству съ осторожностью относиться къ новымъ ученіямъ и испытывать ихъ подобно тому, какъ камнемъ испытываютъ золото. Испытательнымъ же въ этомъ дѣлѣ камнемъ онъ назвалъ ученіе Православной Церкви, и все несогласное съ этимъ ученіемъ просилъ не признавать, какъ пагубное для спасенія души. Это напоминаніе владыка назвалъ своимъ послѣднимъ завѣщаніемъ духовнымъ чадамъ передъ разлукою. Затѣмъ, благословивъ всѣхъ, преосвященный уѣхалъ изъ собора и черезъ четыре дня направился въ Вышу, мѣсто, гдѣ суждено было выявиться духовнымъ дарамъ будущаго затворника, гармонично-сочетавшимся съ его всесторонней образованностью.

Келія святителя стала центромъ его живой дѣятельности. Первые шесть лѣтъ преосвященный Теофанъ приготовлялъ себя къ высокому подвигу затворничества. Онъ неопустительно ходилъ ко всѣмъ монастырскимъ службамъ, а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ самъ служилъ литургію. Но отрѣшенность отъ внѣшней жизни все болѣе и болѣе сказывалась въ немъ. Иногда владыка, погруженный въ молитву, не видѣлъ ничего вокругъ себя, и даже инокъ, подносившій ему антидоръ, часто стоялъ передъ нимъ незамѣченнымъ, пока преосвященный не прерветъ своего углубленія въ богосозерцаніе. Въ 1872 г. еп. Теофанъ собственноручно устроилъ въ своемъ флигелѣ домовую церковь и освятилъ ее во имя Богоявленія. Съ тѣхъ поръ святитель никуда не выходилъ изъ своего домика и никого, кромѣ настоятеля, своего духовника и келейника Евлампія, не допускалъ къ себѣ. Даже вышенскихъ иноковъ владыка не принималъ къ себѣ, а если кто изъ нихъ желалъ имѣть отъ него совѣтъ, то могъ написать и получить исчерпывающій отвѣтъ на свои духовные запросы. Для желающихъ владыка дѣлался письменнымъ руководителемъ духовной жизни. Впрочемъ, не одни только вышенскіе иноки могли переписываться со святителемъ. Онъ отвѣчалъ каждому человѣку, имѣющему нужду въ духовномъ окормленіи. Въ своемъ уединеніи святитель внимательно прочиты-

валъ всякое письмо, какъ тонкій психологъ угадывалъ душевное состояніе своего корреспондента и давалъ каждому вопрошающему отвѣтъ индивидуально и по его потребности.

Когда въ Россіи стало извѣстно, что въ Вышенской пустыни живетъ замѣчательный затворникъ, любовь котораго достигаетъ сердца заблуждающихся, колеблющихся или завязшихъ въ грѣхахъ, многіе начали писать ему и изливать передъ нимъ свои горести. На имя святителя ежедневно приходили десятки писемъ, и онъ, какъ нѣжный попечительный отецъ, отвѣчалъ всѣмъ, кто имѣлъ нужду въ его наставленіяхъ. Святитель близко принимаетъ къ сердцу переживанія пишущихъ, входилъ въ ихъ положеніе и съ одинаковою заботливостью отвѣчалъ старцу архимандриту и подростку дѣвочкѣ. Такъ затворническая келія вышесказаннаго подвижника обратилась въ духовную лѣчебницу, гдѣ святитель въ продолженіи 28-ми лѣтъ врачевалъ больныя души. Къ 8-ми изданнымъ сборникамъ писемъ преосвященнаго Теофана приложено оглавленіе совѣтовъ на самые мучительные и разнообразныя вопросы совѣсти людей всякаго возраста и общественнаго положенія. И мы почти всегда можемъ найти въ его письмахъ отвѣты на свои чисто индивидуальные запросы, ободреніе и вразумленіе. Письма преосвященнаго отличаются необыкновенной живостью слова, теплотою чувства, четкостью, образностью и всецѣло занимаютъ вниманіе читателя.

Слѣдуетъ замѣтить, что и въ затворѣ онъ не потерялъ своего спокойнаго и благодушнаго нрава и считалъ, что веселое настроеніе духа есть послѣдствіе усвоенія православнаго христіанскаго взгляда на жизнь.

— «Никогда, ни подъ какимъ видомъ не угрюмничайте», пишетъ владыка одной юной дѣвицѣ, съ дѣтскихъ лѣтъ духовно настроенной, и совѣтуетъ только не допускать смѣхотворства, разумѣя подъ этимъ мірское веселіе, истекающее изъ праздныхъ и нецѣломудренныхъ побужденій. Письма святителя къ этой дѣвушкѣ составили потомъ книжку озаглавленную: «Что есть духовная жизнь и какъ на нее настроиться».

Живя въ затворѣ, преосвященный съ внѣшней стороны вель соразмѣренный образъ жизни, дававшій ему возможность углубляться въ молитву, богословскіе труды и неразсѣянно служить ближнимъ своими замѣчательными письмами. Раннимъ утромъ святитель служилъ литургію въ своей келейной церковкѣ. Первые 10 лѣтъ затвора онъ слу-

жилъ только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, а послѣднiя 11 ежедневно. Келейникъ съ вечера готовлялъ все нужное для служенiя, и затворникъ въ совершенномъ одиночествѣ, безъ прислужника, совершалъ литургiю. На вопросъ одного своего почитателя, какъ онъ наединѣ совершаетъ священнодѣйствiе, святитель отвѣтилъ: «Служу по служебнику молча, а иногда и запою».

По окончанiи служенiя, владыка стукомъ давалъ знакъ о времени подачи чая. Въ часъ дня по тому же стуку келейникъ приносилъ скудный обѣдъ, который по скромнымъ днямъ состоялъ изъ стакана молока и одного яйца. Въ четыре часа подавался чай. Этимъ и заканчивалась дневная трапеза. Ужина не полагалось.

Опытный въ духовной жизни еп. Теофанъ никогда не выпускалъ изъ вида, что пока человѣкъ живъ, онъ долженъ считаться съ существованiемъ тѣла и разумно относиться къ нему. Поэтому онъ находилъ, что умственные занятiя надо перемеживать съ ручнымъ трудомъ, что предохраняетъ человѣка отъ праздности въ тѣ минуты, когда онъ устаетъ отъ своей работы. Рекомендуя различныя рукодѣлiя другимъ, преосвященный самъ занимался иконописью, токарнымъ и столярнымъ ремесломъ, слесарными работами и умѣлъ самъ шить себѣ одежду.

— «На всѣ руки мастеръ», приложима къ затворнику пословица при видѣ предметовъ, сдѣланныхъ имъ. Преосвященный обладалъ тонкимъ вкусомъ, и всѣ его издѣлiя были художественны и изящны. Впрочемъ, ручной трудъ святитель считалъ пособiемъ и дѣломъ второстепеннымъ въ жизни, главнымъ же наше постоянное возношенiе ума и сердца къ Богу для достиженiя цѣли нашего пребыванiя на землѣ, т. е., спасенiя души.

— «Спасайтесь», писалъ святитель, «все будетъ, когда спасены будете».

Среди разныхъ вопросовъ, касающихся спасенiя, еп. Теофанъ много удѣляетъ мѣста молитвѣ, какъ первому и необходимому дѣлу въ духовной жизни. Самъ усердный молитвенникъ, владыка училъ, что, приступая къ молитвѣ, надо свое грѣшное сердце расположить къ сознанию, что мы стоимъ передъ лицомъ Господнимъ, Который все видитъ, слышитъ и знаетъ сокровенное нашей души. Сознвая это, мы должны преискренно восчувствовать сердцемъ сокрушенiе въ своемъ недостойнствѣ, всецѣло устремиться мыслiю къ Богу, уповать на Него и предаваться Его святой

волѣ. Безъ такого чувства наша молитва перестаетъ быть богоугодною, обращается въ формализмъ и не приноситъ никакой пользы.

Чтобы направить свои мысли и чувства къ живому памяствованію о Богѣ, преосвященный разъясняетъ, какъ надо приготовиться къ молитвѣ:

— «Необходимо особое мѣсто, если можно уединенное, и къ тому опредѣленное передъ св. иконами, съ возженіемъ свѣчи или лампы, необходимо особое время, утромъ, вечеромъ, или въ другіе часы, приуроченные къ часамъ церковной службы, необходимо особое положеніе тѣла, стоячее или колѣнопреклоненное, съ благочиніемъ и напряженіемъ». Одновременно онъ напоминаетъ, что вычитываніе молитвеннаго правила и машинально положенные поклоны при разсѣянности мысли, холодности сердца, не есть уже благоговѣйная бесѣда съ Богомъ Живымъ и плодовъ молитвы принести не можетъ.

— «Не забудьте», многократно пишетъ святитель, «что сила молитвы — духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно. Не слова нужны Господу, а сердце. Всѣ плоды (молитвы) могутъ быть получены черезъ одно возношеніе ума и сердца къ Богу. Главное въ молитвѣ чувство къ Богу изъ сердца. Слова молитвы при семъ, какія подберутся. Всѣ молитвословія назначены для того, чтобы чувство питать, — и какъ скоро не питаютъ, то они попусту... Чувства никакія читательные труды замѣнить не могутъ. Вопль изъ сердца, краткій и сильный, вотъ, что нужно. А это походя дѣлать можно, а слѣдовательно молиться непрерывно. О семъ заботьтесь, и все сюда направляйте».

Благоуспѣшность молитвы святитель ставилъ отъ нашего усердія, теплаго сердца и собранности мысли. — «Поставьте себѣ закономъ», пишетъ онъ, «съ Господомъ всегда быть умомъ въ сердцѣ, и блуждать мыслямъ не позволяйте, а какъ только уйдутъ, ворочать ихъ и заставлять сидѣть дома въ клѣти сердца и бесѣдовать съ сладчайшимъ Господомъ».

— «Кто долго стоитъ на солнцѣ, тѣломъ согрѣвается, такъ, кто о Богѣ и божественномъ думаетъ, согрѣвается духомъ. Чѣмъ дольше стоитъ, тѣмъ больше. Наконецъ загорится духомъ. Когда загорится, не нужно никакихъ уроковъ и наставленій».

— «Совершайте свое молитвословіе неспѣшно, всегда сопровождая слова молитвы мыслью ими выраженной, и

напряженіемъ на то чувстава сердца. Безъ этого молитва вкуса не имѣетъ и не привлекаетъ. Какъ, читая книгу, вы слѣдите мыслью за читаемымъ и съ удовольствіемъ усвояете встрѣчаемое, какъ только мыслью отбѣгаете, — чтеніе попусту. То же бываетъ съ молитвою».

Еп. Теофанъ совѣтуетъ молящимся не создавать въ своемъ воображеніи напередъ тотъ или другой мысленный образъ Бога.

— «Молясь Богу», пишетъ онъ, «лучше всего не воображать Его никакъ, а вѣровать, что Онъ есть близъ, все видитъ и слышитъ. Въ этомъ убѣжденіи стойте, что Онъ вездѣ... Къ Нему Вездѣсущему Всевидящему и Желаящему вашего спасенія и взывайте безъ всякаго образа. Когда размышляете о Божественномъ, тогда можно вообразить Господа, какъ потребуется, сидящемъ на престолѣ или распятымъ, но во время молитвы никакихъ образовъ держать не слѣдуетъ».

Святитель часто повторялъ, что хорошо молиться мысленно маленькими, короткими молитвами. Изъ нихъ онъ обращаетъ особое вниманіе на молитву Иисусову и называетъ ее духовнымъ мечемъ. По его совѣту, отходящимъ ко сну, полезно повторять ее минутъ пять по окончаніи вечернихъ молитвъ, а также читать ее мысленно среди обычныхъ житейскихъ занятій. Во всѣхъ наставленіяхъ преосвященнаго мы находимъ рядъ указаній насколько наши молитвы бываютъ успѣшнѣе, когда соединяются съ припаданіемъ къ Божіей Матери и усерднымъ призываніемъ святыхъ Божіихъ и своего ангела хранителя. Подвижникъ святитель во всѣхъ своихъ наставленіяхъ предупреждаетъ насъ, что съ нею, молитвою, должно быть соединено полное смиреніе и преданіе себя на волю Божію.

— «Молясь, ждите желаемого, но не предрѣшайте, что такъ и опредѣлитъ Господь, а предавайте сіе Его волѣ съ полною покорностью принять отъ Господа, что благоугодно Ему вамъ послать. Недостатокъ такой покорности покривляетъ молитву и лишаетъ ее силы; ибо безъ нея молитва будетъ имѣть такой смыслъ: хочешь, не хочешь, Господи подай».

— Всячески надо избѣгать формальности и механизма въ молитвѣ», говорилъ еп. Теофанъ, и все его ученіе о молитвѣ есть обоснованное доказательство, что молитва есть дыханіе нашего духа, средство черезъ которое мы достигаемъ богообщенія и вѣчной жизни.

Въ перепискѣ преосвященнаго съ различными лицами, касающейся таинствъ Покаянія и Причащенія, мы, кромѣ постоянныхъ указаній насколько важно приступать къ нимъ съ полною искренностью, съ сокрушеніемъ о грѣхахъ и со страхомъ угаить что либо во время исповѣди, мы находимъ разъясненіе довольно распространеннаго предразсудка, что между днями причащенія каждаго лица должны соблюдаться какіе-то сроки... Святитель пишетъ:

— «Вамъ кто мѣшаетъ ухитриться почаще приступать къ таинствамъ. Только пустое повѣріе. У насъ стали слова: «Со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите», — пустою формою. Іерей Божій зоветъ, а никто не идетъ... и никто при этомъ не замѣчаетъ несообразности въ семъ несоотвѣтствіи зову Божию... и на вечерю Божию».

...«Предоброе дѣло сдѣлали Вы, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, что причастились Христовыхъ Таинъ. Устройайте сіе и почаще».

Многіе люди обращались къ еп. Теофану съ вопроса-ми, касающихся монашеской жизни и поступленія въ монастырь. Одни, пылкіе по характеру, безъ всякаго понятія объ иноческой жизни, просили у святителя благословенія на поступленіе въ монастырь, другіе, также толкомъ ничего не знающіе о смыслѣ монашества, хулили самую его идею, монашествующихъ и монастырскіе уставы. Преосвященный, самъ инокъ по призванію и рѣдкій знатокъ человѣческой души, прежде всего разъяснялъ, что для спасенія души нѣтъ необходимости поступать въ монастырь, такъ какъ не мѣсто, а внутреннее расположеніе души дѣлають ее способной достигнуть вѣчной жизни. Онъ часто писалъ, что и въ мірѣ можно жить по монашески, а въ обителяхъ по мірски. Первое онъ одобрялъ, а второе осуждалъ и призывалъ своихъ корреспондентовъ прежде всего испытать свои наклонности и терпѣніе, познакомиться съ монашеской жизнью и только тогда рѣшаться на окончательный шагъ. Но вообще святитель считалъ, что иночество есть Богомъ благословенный образъ жизни и лицъ, у которыхъ онъ видѣлъ серьезное и повѣренное желаніе монашеской жизни, онъ не удерживалъ въ міру, а благословлялъ поступать въ обители. Безосновательныя ходячія мнѣнія о вредѣ монашества святитель разбивалъ своимъ вѣскимъ словомъ правды.

Владыка часто получалъ письма отъ лицъ, убитыхъ горемъ, вслѣдствіе потери близкихъ. Скорбящіе дѣлились съ нимъ своими жгучими и мучительными переживаниями у од-

ра могилы дорогихъ отошедшихъ. Въ такихъ случаяхъ святитель, прежде всего, внушалъ скорбящимъ, что мысль о пребываніи въ могилѣ дорогого усопшаго сама по себѣ невѣрна. Его личность, душа его, не можетъ отождествляться съ тѣломъ. Тѣло въ моментъ смерти человѣкъ оставляетъ, какъ ветхую одежду, а его мыслящая душа продолжаетъ сознавать себя, остается живою и можетъ видѣть своихъ близкихъ на землѣ.

— «Отошедшіе», пишетъ святитель, «быстродвижны, какъ мысль. Я думаю, что С. смотритъ у меня изъ-за плеча, что я пишу и, навѣрное, одобряетъ меня... Потомъ онъ сейчасъ перенесется къ Вамъ., и если увидитъ, что Вы хмуритесь, покачаетъ головою... Вотъ, скажетъ, мудрецы... Ничего не видятъ и видѣть не хотятъ».

Вообще всѣмъ, боящимся смерти, еп. Теофанъ внушаетъ, что покаявшіеся искренно въ грѣхахъ не должны ужасаться того часа, когда Милосердный Господь призоветъ ихъ къ Себѣ; надо помнить Божіе обѣтованіе, данное Церкви въ лицѣ св. апостоловъ: «Примите Духа Святаго. Кому простите грѣхи, тому простятся, на комъ оставите, на томъ останутся» (Іоанн. 20, 22-23).

— «Получившій разрѣшеніе отъ духовнаго отца, стоитъ обезвиненнымъ передъ лицомъ правды Божіей».

Незадолго до кончины святителя затворника, скончалась его сестра. Съ нею онъ велъ переписку во время ея предсмертной болѣзни, и прощальное письмо брата--святителя къ сестрѣ дышитъ такою глубокою вѣрою въ блаженное состояніе по смерти, что превращаетъ смертный страхъ въ радостное ожиданіе иной жизни, гдѣ нѣтъ болѣзней, печалей, воздыханія и предстоитъ самая реальная и долгожданная встрѣча съ ранѣ отошедшими родными.

— «Прощай, сестра», пишетъ святитель, «Господь благословитъ исходъ твой и путь твой по твоему исходѣ. Вѣдь ты не умрешь. Тѣло умретъ, а ты перейдешь въ другой міръ, живая, себя помнящая и весь окружающій міръ узнающая. Тамъ встрѣтятъ тебя батюшка и матушка, братья и сестры. Поклонись имъ и передай привѣтъ и проси попещись о насъ. Тебя окружаютъ твои дѣти со своими родственными привѣтами. Тамъ тебѣ будетъ лучше, чѣмъ здѣсь. Такъ не ужасайся, видя приближающуюся смерть: она для тебя — дверь въ лучшую жизнь. Ангель твой хранитель приметъ твою душу и поведетъ ее путями, какими Богъ повелитъ. И будь крѣпка вѣрою, что Господь и Спаситель всѣ грѣхи

кающихся изглаживаетъ. Изглажены и твои, когда покаялась. Эту вѣру поживѣй возстанови въ себѣ и пребудь съ нею неразлучно. Даруй же, Господи, тебѣ мирный исходъ. День, другой — и мы съ тобою. Скоро свидимся. Потому не тужи объ остающихся. Прощай. Господь съ тобою».

Кромѣ своихъ замѣчательныхъ писемъ, еп. Теофанъ въ тиши своего затвора написалъ цѣлый рядъ цѣннѣйшихъ богословскихъ твореній, изъ которыхъ особенно извѣстны: Толкованіе на посланія св. апостола Павла, Толкованіе (изъясненіе) 118 псалма, Евангельская исторія о Богѣ Сынѣ, воплотившемся нашего ради спасенія, въ послѣдовательномъ порядкѣ, изложенная словами св. Евангелистовъ, и Начертаніе христіанскаго нравоученія.

Еп. Теофанъ перевелъ на русскій языкъ множество твореній древнихъ подвижниковъ монашества. Этотъ трудъ, именуемый Добротолюбіе, состоитъ изъ пяти томовъ и содержитъ ученіе, какъ человѣческую душу, поврежденную грѣхомъ, перевоспитать и сдѣлать снова способною къ воспріятію райскаго блаженства. Добротолюбіе является капитальнымъ вкладомъ въ русскую духовную литературу и дополняетъ ее пробѣлъ въ аскетическихъ твореніяхъ, такъ какъ до еп. Теофана на русскомъ языкѣ такихъ книгъ было очень мало.

Изъ своего уединенія преосвященный слѣдилъ за изданіемъ своихъ трудовъ и старался, чтобы его книги были подешевле и изящнѣе. Жившій въ Москвѣ племянникъ святителя А. Говоровъ, былъ какъ бы повѣреннымъ въ дѣлѣ его издательства, и преосвященный велъ съ нимъ оживленную переписку. Но письма святителя къ племяннику не являются исключительно дѣловыми, а проникнуты трогательною заботливостью о его духовныхъ нуждахъ.

При жизни святителя и послѣ его кончины творенія его печатались въ извѣстномъ богословскомъ журналѣ «Душеполезное чтеніе». Труды преосвященнаго справедливо оценены современными ему богословами, и Санктъ-Петербургская Духовная Академія присудила ему степень доктора богословія.

Шелъ 28-ой годъ пребыванія свитителя въ затворѣ. Преосвященный, обладавшій всегда крѣпкимъ здоровьемъ, сталъ чувствовать себя немощнымъ. У него ослабѣли глаза, и на одномъ изъ нихъ образовывался катарактъ. Святитель смиренно переносилъ недуги, но грозящая слѣпота была ему особенно тяжела, т. к. лишила бы возможности ду-

ховно-литературной работы. Впрочемъ, Господь сохранилъ его отъ этого несчастья, и онъ писалъ до послѣдняго дня своей жизни.

Наступилъ 1894-ый годъ. Евлампій сталъ замѣчать, что преосвященный не въ обычное время даетъ условный знакъ къ подачѣ чая и обѣда, внѣшній порядокъ жизни затворника началъ нарушаться. 5-го января владыка почувствовалъ такую слабость, что позвалъ Евлампія и попросилъ его подъ руки провести по комнатѣ, но, пройдя нѣсколько шаговъ, утомился и легъ на кровать. 6-го января, въ день храмового праздника своей келейной церковки, святитель рано утромъ отслужилъ литургію и послѣ нея пилъ чай.

Неспокойно было на сердцѣ у вѣрнаго Евлампія, и онъ заглянулъ въ его комнату. Преосвященный сидѣлъ за столомъ и что то писалъ. Черезъ полчаса онъ постучалъ, и Евлампій принесъ обѣдъ, т. е. стаканъ молока и яйцо. Унося посуду, онъ замѣтилъ, что владыка выпилъ только полстакана молока и съѣлъ половину яйца. Въ четыре часа Евлампій ожидалъ условнаго стука цѣлыхъ тридцать минутъ, но его не послѣдовало. Тогда онъ открылъ дверь, вошелъ къ святителю и увидѣлъ его лежащимъ на постели. Сердце замерло у Евлампія. Онъ подошелъ къ кровати и увидѣлъ, что его добрый владыка упокоился вѣчнымъ сномъ. Лицо почившаго было величаво, и правая рука его была сложена именовсловно. Когда монашествующіе, столько лѣтъ не видѣвшіе затворника, вошли въ его келію и стали облачать почившаго, на лицѣ его, видимо для всѣхъ, появилась свѣтлая, радостная улыбка.

Тѣло святителя простояло въ церкви шесть дней, но никакихъ признаковъ тлѣнія въ немъ не было замѣчено. На погребеніе пріѣхалъ тамбовскій епископъ Иеронимъ. Почитатели преосвященнаго Теофана, никогда не видѣвшіе усопшаго, во множествѣ съѣхались въ Вышенскую пустынь, и много искреннихъ слезъ было пролито у гроба праведника. По совершеніи отпѣванія тѣло святителя было опущено въ могилу, устроенную въ монастырскомъ соборѣ.

Вышенская обитель оставила келіи святителя Теофана въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были пчи немъ, и допускала ихъ обозрѣніе всѣмъ, чтущимъ его память. Посѣтителя поражала убогая обстановка жилища подвижника, множество книгъ, свидѣтельствующихъ о его разностороннихъ знаніяхъ, художественныя иконы, имъ написанныя, токарныя и всякіе другіе инструменты, напоминавшіе о ручномъ трудѣ святителя.

Внутренняя личная духовная жизнь подвижника осталась тайною даже для вышенскихъ иноковъ. О ней могъ знать только Евлампій. Но вѣрный слуга не пережилъ смерти своего добраго господина. Со дня смерти святаго Евлампія не ѣлъ ничего, тосковалъ и черезъ двѣ недѣли послѣдовалъ въ горнія селенія за своимъ блаженнымъ старцемъ. Приснопамятный еп. Теофанъ, подвижникъ Вышенскій, обладавшій широкими познаніями не только въ области богословія, но въ философіи и естественныхъ наукахъ, вошелъ въ исторію Русской церкви XIX вѣка, какъ ученый, психологъ и учитель христіанской жизни.

Л. Ф-ва.

Епископъ Теофанъ Затворникъ.

СМЫСЛЪ ПРИТЧИ О НЕПРАВОМЪ УПРАВИТЕЛѢ.

Изъ писемъ къ разнымъ лицамъ о разныхъ предметахъ.

Пишите, что какой-то говорунъ, бывшій у васъ, наговорилъ многое, добрался до Евангелія и началъ разбирать дѣйствія Спасителя, восхищаясь многимъ и коря тоже многое. — Это что за сумасшедшій?! — Да вы-то какъ его слушали, когда онъ сталъ корить дѣйствія Христа Спасителя?! Какъ только онъ началъ такую дурацкую рѣчь, вамъ слѣдовало или оговорить его и заставить замолчать, или удалиться отъ него. А вы продолжали болтать, — и о всемъ этомъ такъ равнодушно рассказываете. На что это похоже?! Любите вы и чтите хоть сколько-нибудь Спасителя своего? Если да, то какъ могли вы сносить такія рѣчи и не зажали рта этому сумасброду?! Нѣтъ; вѣрно вы только видѣ держите вѣрующей и любящей Господа, а на дѣлѣ и въ сердцахъ состоите въ заговорѣ противъ Него съ врагами Его, какъ невѣрка и индифферентка. Если-бъ кто сталъ худо говорить при васъ о тѣхъ, кого вы искренно любите, объ отцѣ, матери, братѣ, — стерпѣли бы вы это не оговоривши? Конечно, нѣтъ. Итакъ, если вы такъ спокойно отнеслись къ хулителю Господа, не хвалитесь и не лгите на истину: нѣтъ у васъ и на волосъ любви къ Господу. — И чего ради вы не прописали этихъ хульныхъ рѣчей? Я бы разъяснилъ вамъ всю ложь хулителя и свѣялъ насѣдшую на умъ вашъ пыль богохульную. — А теперь эта хула будетъ отравлять всякую молитву вашу и всякое помышленіе о Господѣ. Я со-

всѣмъ не узнаю васъ въ этомъ дѣйстви вашемъ — нелѣпомъ.

«Добрались, говорите, до притчи о неправомъ управителѣ (Лк. 16, 1-12). — и оказалось, что никто изъ насъ не понимаетъ ее». Изъ всѣхъ притчей Спасителя эта, кажется, самая трудная. Наши однако-жъ св. толковники сумѣли упростить дѣло. Вообще во всѣхъ притчахъ не должно доискиваться таинственного истолкованія всякой черты приточнаго сказанія, а только на то обращать вниманіе, къ чему направлена притча. Тоже тѣмъ паче слѣдуетъ, соблюдать при истолкованіи настоящей притчи. Куда должно обратить все вниманіе, Самъ Господь руководить, сказавъ «похвалилъ господинъ (т. е., хозяинъ) управителя невѣрнаго, что догадливо поступилъ». За что похваленъ неправедный экономъ? Не за правду, а за то, что догадался выпутаться изъ стѣснительныхъ обстоятельствъ, въ какія попалъ. Это догадливость и есть то, что хотѣлъ внушить Спаситель. Онъ какъ бы говорить: видите, какъ поступилъ этотъ управитель? Не сталъ охать и ахать или ждать, пока бѣда всею тяжестію обрушится на его голову, а тотчасъ, какъ узналъ, что грозитъ бѣда, взялся за дѣло и ухитрился отвратить ее. Такъ ухитряйтесь и вы отвратить главную бѣду, грозящую вамъ. Какую бѣду? Ту, что вѣдь вы грѣшны, а за грѣхи что ожидаетъ васъ? Осужденіе и такое состояніе, въ коемъ вы будете бѣдственнѣ всякаго бѣдствующаго. Вы находитесь теперь совершенно въ такомъ же положеніи, въ какомъ тотъ управитель. Вотъ-вотъ будете отставлены, т. е., придетъ смерть и поставитъ васъ въ то горькое положеніе. Не предавайтесь же безпечности, не тратьте попусту время, но позаботьтесь отвратить бѣду и обезпечить свое будущее. — Мудрость управителя въ чемъ состояла? Въ томъ, что онъ умудрился обезпечить свое будущее. Умудритесь и вы тоже сдѣлать. Какъ? Чрезъ благотвореніе и милостыню. Облегчайте участь нуждающихся, — и это спасетъ васъ. Управитель тотъ облегчилъ купцовъ, предполагается, не бѣдныхъ. Но сила рѣчи въ томъ, что облегчилъ, — хоть тѣ не были изъ числа неимущихъ, но долгъ все лежалъ у нихъ на плечахъ и тяготилъ ихъ. Вотъ это — облегчать положеніе тѣхъ, кои подавляются имъ, и хотѣлъ внушить Спаситель, какъ способъ выпутаться изъ грозящей всѣмъ бѣды по смерти. Помогай нуждающимся отъ имѣнія своего или отъ всего, что во власти твоей, и этимъ уготовишь себѣ обители въ кои и будешь принять по смерти. — Смушлетъ многихъ, что будто рекомендуется благотвореніе отъ неправеднаго досто-

янія. Нѣтъ, это не рекомендуется. Обратите вниманіе на слова Господа: «сыны вѣка сего догадливіе сыновъ свѣта въ своемъ родѣ». Управитель названъ сыномъ вѣка сего, дѣйствующимъ по духу вѣка. Ему противопоставляются сыны свѣта — ученики Господни. Господь говоритъ какъ бы: тотъ умудрился въ своемъ родѣ; умудряйтесь и вы въ своемъ родѣ, т. е. дѣйствуя по законамъ правды. Мудрость правителя рекомендуетъ, а способъ, его не рекомендуетъ. Тотъ способъ пригожь для сыновъ вѣка; а вы употребите такой способъ, какой вамъ пригожь въ родѣ вашемъ.

Посему, когда говоритъ въ слѣдъ за симъ Господь: «И Я говорю вамъ: приобрѣтайте себѣ друзей богатствомъ неправеднымъ (отъ мамоны неправды), чтобы они, когда обнищаете, приняли васъ въ вѣчныя обители», — то не внушаетъ помогать нуждающимся отъ неправдо приобрѣтеннаго или неправдо себѣ присвоеннаго имѣнія, а дѣлать это безъ нарушенія правды какъ свойственно сынамъ свѣта. Мамоною неправды, назвалъ Господь имѣніе вообще, — и вотъ почему, — что оно невѣрно, обманчиво; мы полагаемся на него, какъ на крѣпкую гору, а оно — нынѣ есть, а завтра ищи его. Итакъ Господь внушаетъ: облегчайте участь всякаго нуждающагося и тяготящагося бѣдою отъ имѣнія своего, — и тѣмъ приобрѣтете себѣ друзей, кои примуть васъ въ вѣчныя кровы, когда оскудѣете, — т. е. когда истощится жизнь ваша, и вы перейдете въ другую жизнь, оставивъ все имѣемое здѣсь на землѣ. На тотъ свѣтъ поступите ни съ чѣмъ: только если успѣли вы посредствомъ благотворенія предпослать туда должную часть отъ имѣнія вашего, это самое тамъ встрѣтите, и то будетъ составлять вѣчный коштъ вашъ. Чѣмъ больше туда перешлете посредствомъ рукъ бѣдныхъ, тѣмъ тамъ обильнѣе будете насыщаться и довольнѣе жить.

Кто эти други, можно не пытаться. Главное въ томъ, что будете приняты въ вѣчныя кровы. Или, если ужъ желательнo опредѣлять, то это будетъ Самъ Господь, совмѣщающій въ Себѣ всѣхъ бѣдныхъ облагодѣтельствованныхъ. Ибо Онъ сказалъ: «такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ» (Мѡ. 25, 35-40). За всѣхъ друзей — Онъ одинъ, — и довольно. Онъ и приметъ въ обители небесныя, которыя и пошелъ на небеса готовить вѣрнымъ Своимъ.

Всѣ другія частности въ приточномъ сказаніи оставляю безъ иносказательнаго толкованія. И не слѣдуетъ этого дѣлать. Станешь толковать, только затемнишь главную мысль и цѣль притчи.

СВЯТООТЕЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТФЕЯ.

Гл. 6, 14-21.

**Если вы будете прощать людямъ... Отпустить и вамъ Отецъ
вашъ небесный... Явиться постящимся не предъ людьми...
Собирайте себѣ сокровища на небѣ...**

Ничего нѣтъ Богу противнѣе злопамятства. Царство Божіе есть царство мира и смиренія, царство единодушія и братской любви. Можетъ ли быть принять въ это царство человѣкъ гордый и злопамятный? Очевидно: для такого приличнѣе мѣсто во адѣ. Вотъ почему Спаситель, преподавъ образецъ молитвы, еще разъ настойчиво указываетъ, что отпущеніе нашихъ грѣховъ зависитъ отъ насъ самихъ, что судъ Божій надъ нами состоитъ въ нашей же власти: **ИБО ЕСЛИ ВЫ БУДЕТЕ ПРОЩАТЬ ЛЮДЯМЪ СОГРѢШЕНІЯ ИХЪ, ихъ проступки противъ васъ, ТО ПРОСТИТЪ И ВАМЪ ОТЕЦЪ ВАШЪ НЕБЕСНЫЙ.** «Такимъ образомъ, говоритъ святой Златоустъ, Спаситель тебя самого — виновнаго — дѣлаетъ судіею надъ самимъ собою, и какъ бы такъ говорить: какой ты самъ произнесешь о себѣ судъ, такой же судъ и Я произнесу о тебѣ. Если простишь своему собрату, то и отъ Меня получишь тоже благодѣяніе, хотя Мое тебѣ благодѣяніе будетъ на самомъ дѣлѣ несравненно важнѣе твоего. Ты прощаешь другому потому, что самъ имѣешь нужду въ прощеніи, а Богъ прощаетъ, ни въ чемъ не имѣя нужды; ты прощаешь брату, а Богъ — рабу; ты виновенъ въ безчисленныхъ грѣхахъ, а Богъ безгрѣшенъ». — «Неоплатны долги наши, говоритъ святитель Московскій Филаретъ: но какой легкой договоръ намъ о нихъ предлагается! Если вы будете прощать людямъ согрѣшенія ихъ, то проститъ и вамъ Отецъ вашъ Небесный. А ЕСЛИ НЕ БУДЕТЕ ПРОЩАТЬ ЛЮДЯМЪ СОГРѢШЕНІЯ ИХЪ, глаголетъ Господь, ТО И ОТЕЦЪ ВАШЪ НЕ ПРОСТИТЪ ВАМЪ СОГРѢШЕНІЯ ВАШИХЪ. «И опять Господь упомянулъ объ Отцѣ Небесномъ, чтобы пристыдить слушателя, замѣчаетъ святой Златоустъ. Чтобы быть сыномъ Божиимъ, нужна не благодать только, но и дѣла. А ничто такъ не уподобляетъ насъ Богу, какъ то, когда мы прощаемъ людей злыхъ, которые обижаютъ насъ. Итакъ, какого будутъ достойны наказанія

тъ, которые не только сами не прощаютъ, но и Бога просятъ объ отмщеніи врагамъ, тогда какъ Богъ все дѣлаетъ и устрояетъ для того, чтобы намъ не враждовать между собою? Корень всякаго добра есть любовь; посему-то Онъ и уничтожаетъ все, что можетъ вредить любви. Подлинно, совершенно никто, ни отецъ, ни мать, ни другъ, ни другой кто-либо не любитъ насъ столько, сколько сотворившій насъ Богъ. Желая, чтобы мы освободились отъ многихъ и великихъ грѣховъ, Богъ и предложилъ намъ путь краткій, легкій и удобный. Ибо какой трудъ простить оскорбившему? Не прощеніе, но храненіе вражды составляетъ трудъ. Напротивъ, освободиться отъ гнѣва и легко, и это же доставляетъ спокойствіе».

Итакъ, проси у Бога прощенія своихъ грѣховъ, но чтобы молитва твоя легче и свободнѣе возносилась къ Богу, дай ей крылья; одно крыло это и есть милостыня, милосердіе, любовь даже ко врагамъ; другое крыло — это постъ. Кто искренно скорбитъ душою о своихъ грѣхахъ, тому не придетъ на умъ и пища. Вотъ почему покаяніе неразлучно съ постомъ. Сама скорбящая, кающаяся душа требуетъ поста. «Тѣло тлѣнное отягощаетъ душу», говоритъ премудрый. Адамъ и въ раю постился: Богъ запретилъ ему вкушать отъ древа познанія добра и зла; онъ не употреблялъ въ пищу ни мяса, ни рыбы, — питался только пищею отъ плодовъ райскихъ. Значитъ и въ раю, даже для невиннаго человѣка, былъ нуженъ постъ, чтобы быть ближе къ Богу. Тѣмъ паче онъ сталъ нуженъ для человѣка, который былъ поврежденъ и удаленъ отъ Бога грѣхомъ. И мы знаемъ, что постилась и Матерь Божія, постился великій Предтеча Христовъ Іоаннъ, постились Боговидцы — пророки Моисей и Ілія, постились апостолы и всѣ святые Божіи, какъ въ Вѣтхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ. Послѣ этого — намъ ли не нуженъ постъ? Когда апостолы спросили Господа: почему они не могли изгнать нѣмого бѣса, Онъ отвѣтилъ имъ: «сей родъ не можетъ выйти иначе, какъ отъ молитвы и поста» (Мр. 9, 29). «Видите, говоритъ святитель Филаретъ, какъ велика сила поста, соединеннаго съ молитвою? Апостоламъ онъ нуженъ: намъ ли не нуженъ? Чудотворцамъ онъ помогаетъ: можемъ ли мы пренебрегать его помощію? Побѣдъ надъ мучительнымъ духомъ зла онъ содѣйствуетъ: не ближе ли способствовать будетъ къ укрощенію плоти, воюющей на духа?» Посему-то Самъ Христосъ оставилъ намъ «образъ» — примѣръ поста, да послѣдуемъ стопамъ Его» (1 Петр. 2, 21).

Посему-то Онъ и не отмѣнилъ поста, — напротивъ: Онъ ставитъ его на ряду съ молитвою и милостынею, и даетъ правило, какъ должно поститься: **ТАКЖЕ, КОГДА ПОСТИТЕСЬ, ГОВОРИТЬ ОНЪ, НЕ БУДЬТЕ УНЫЛЫ, КАКЪ ЛИЦЕМЪРЬИ.** Всякое доброе дѣло можно исказить, сдѣлать богопротивнымъ. Тщеславіе можетъ и у поста отнять цѣну въ очахъ Божіихъ. Такъ и было съ лицемѣрными фарисеями. О грѣхахъ своихъ они и не думали, вся забота была у нихъ лишь о томъ, чтобы всѣ люди видѣли, какіе они святые: для этого они старались сдѣлать лица свои унылыми и мрачными: **ИБО ОНИ ПРИНИМАЮТЪ НА СЕБЯ МРАЧНЫЯ ЛИЦА, ЧТОБЫ ПОКАЗАТЬСЯ ЛЮДЯМЪ ПОСТЯЩИМИСЯ.** У Іудеевъ былъ, какъ и теперь есть на Востокѣ, обычай, по причинѣ жаркаго климата, часто омывать тѣло и умащать голову масломъ: фарисеи, когда постились, не умывались, не чесали волосъ, не умащались масломъ, ходили въ разодранныхъ и нечистыхъ одеждахъ и посыпали голову пепломъ. И все это — только для того, чтобы обмануть и Бога и людей. Конечно, люди иногда и обманывались, ублажали такихъ лицемѣровъ-постниковъ, но Бога не обманешь: **ИСТИННО ГОВОРЮ ВАМЪ,** — говоритъ Сердцевѣдецъ: **ЧТО ОНИ УЖЕ ПОЛУЧАЮТЪ НАГРАДУ СВОЮ,** — получаютъ награду свою отъ людей, и потому имъ нечего ждть себѣ награды отъ Бога. Съ глубокой скорбію говоритъ святой Златоустъ, что и между христіанами бываютъ такіе постники-лицемѣры, и даже хуже такихъ. «При сихъ словахъ Христовыхъ, сѣтуетъ Святитель Божій, прилично намъ тяжело возстенать и горько восплакать. Мы не только подражаемъ лицемѣрамъ, но и превзошли ихъ. Я знаю, знаю многихъ, которые не только когда постятся, обнаруживаютъ это передъ людьми, но и совсѣмъ не постясь — принимаютъ на себя лица постящихся, и становятся хуже лицемѣровъ!» **А ТЫ, КОГДА ПОСТИШЬСЯ, ПОМАЖЬ ГОЛОВУ ТВОЮ И УМОЙ ЛИЦЕ ТВОЕ,** старайся никому не показывать вида, что ты постишься; ничѣмъ не отличайся по наружности отъ того, кто не постится, **ЧТОБЫ ЯВИТЬСЯ ПОСТЯЩИМСЯ НЕ ПРЕДЪ ЛЮДЬМИ,** чтобы люди и не подозревали о тебѣ, что ты постишься, **НО являй себя постящимся только ПРЕДЪ ОТЦЕМЪ ТВОИМЪ** Небеснымъ, **КОТОРЫЙ ВТАЙНЪ,** Который видитъ все сокровенное. «Словами, говоритъ святой Златоустъ, «помажь голову твою», Господь не заповѣдалъ, чтобы мы непременно намащали себя, — не это повелѣлъ Онъ. У древнихъ былъ обычай помазывать себя во время

радости и веселія, какъ это видно изъ примѣра Давида и Даниила. И Христось заповѣдуетъ этими словами только всячески скрывать свой постъ. Что это такъ должно понимать, Онъ показалъ самымъ дѣломъ, когда, постившись четыредесять дней и постившись втайнѣ, не помазывалъ головы и не умывалъ лица, и все это совершалъ безъ всякаго тщеславія. Это самое Онъ и намъ заповѣдуетъ. То, что есть тяжкаго въ постѣ, лежить и на насъ, и на лицемѣрахъ: ибо и они постятся. А самое легкое дѣло, то есть, трудиться съ тѣмъ, чтобы не потерять награды, составляетъ Мою заповѣдь, говорить Спаситель. Впрочемъ, если желаешь показаться людямъ, то подожди: Я и это тебѣ доставлю во всей полнотѣ и съ пользою для тебя». Знай, что смиренный постъ — дѣло Богу угодное, которое не останется безъ награды: **И ОТЕЦЪ ТВОЙ, ВИДЯЩІЙ ТАЙНОЕ, ВОЗДАСТЪ ТЕБѢ ЯВНО.** «Подумай; ты обижаешь и самую добродѣтель, говорить тотъ же вселенскій учитель, когда исполняешь ее не для нея самой, но для какого-нибудь веревочника, кузнеца или толпы торгошай. И мы ставимъ себѣ въ обиду, когда насъ любятъ не для насъ самихъ, но для другихъ. Точно также разсуждай и о добродѣтели: не для другихъ люби ее, не для людей повинуйся Богу, но для Бога — людямъ. Если же поступаешь иначе, то хотя повидимому и любишь добродѣтель, раздражаешь Бога наравнѣ съ тѣмъ, кто совсѣмъ не слѣдуетъ ей». — «Подвизайся, говорить нашъ Московскій святитель Филаретъ, дѣлай добро, служи Богу: но берегись, чтобы твоихъ подвиговъ, твоихъ добродѣтелей, твоего благочестія не обнаруживать предъ людьми безъ нужды, произвольно, самовольно, тщеславно». Добродѣтель — небесной природы: пусть она будетъ тайной для земли. Совершай ее втайнѣ; пусть ее видитъ только Богъ. Такъ и поступали святые угодники Божіи. Они строго соблюдали постъ, но всячески старались укрыть эту добродѣтель отъ взоровъ людскихъ.

Что сказано о постѣ, то же должно сказать и о всѣхъ добродѣтеляхъ: всѣ ихъ должно всячески прикрывать смирениемъ. Преподобный Силуанъ говаривалъ: «горе челоуѣку, котораго имя знаменитѣе дѣлъ его». Нужно всегда съ опасениемъ помнить, какъ говорить преподобный Іоаннъ Лѣствичникъ, что «скверное тщеславіе научаетъ насъ принимать образъ такой добродѣтели, которой нѣтъ въ насъ, убѣждая къ сему словами Евангелія: «Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла»

(Мф. 5, 16). Но Спаситель говоритъ здѣсь о дѣлахъ истиннодобрыхъ, а не лицемѣрныхъ; истиннодобрыя дѣла, какъ ни скрывай ихъ, сами выйдутъ наружу, хотя бы ты вовсе не желалъ этого; и когда они станутъ людямъ извѣстны, направь ихъ во славу Божию, чтобы «прославляли (люди) Отца нашего Небеснаго», Который даетъ намъ и силы, и средства творить такія добрыя дѣла. А тщеславный все творить «да прославится» самъ предъ человѣки. — Блаженный Феофилактъ говоритъ, что подъ елеемъ можно разумѣть также и милостыню, а подъ главою нашею Христа, Котораго должно умащать милостынями. А лицо умывать значить душу очищать и чувства омыывать слезами.

Тщеславіе есть мать любостыжанія. Чтобы выказать себя предъ другими, люди заботятся, какъ бы побольше собрать богатства: вотъ почему Спаситель, послѣ того, какъ исцѣлилъ болѣзнь тщеславія, говоритъ о нелюбостыжаніи: **НЕ СОБИРАЙТЕ, не скопляйте СЕБѢ никакихъ СОКРОВИЩЪ НА ЗЕМЛѢ:** ни злата, ни сребра, ни роскошныхъ одеждъ, ни дорогихъ камней; всѣ эти богатства непрочны, обманчивы: **ГДѢ, то есть, здѣсь, на землѣ, МОЛЬ И РЖА ИСТРЕБЛЯЮТЪ И ГДѢ ВОРЫ ПОДКОПЫВАЮТЪ И КРАДУТЪ.** Сегодня ты владѣешь своими сокровищами, а завтра можешь лишиться ихъ. «Подивись, говоритъ святой Златоустъ, неизреченной мудрости Христовой: не сказалъ, что другимъ ихъ по себѣ оставшись, что нерѣдко бываетъ пріятно людямъ, но къ ихъ ужасу показываетъ, что они и этого не въ силахъ сдѣлать: хотя бы люди не повредили ихъ богатству, но всегда будутъ вредить ему моль и ржа. Неужели золото истребляется молью? — Если моль не истребляетъ его, то — воры крадутъ. Ужели всѣхъ грабятъ? Если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ многихъ». — Итакъ, не прилагай сердца твоего къ богатству тлѣнному даже и тогда, когда оно само течетъ въ руки твои. Не считай его своимъ: вѣдь оно и въ самомъ дѣлѣ не твое, а Божіе; будь же только вѣрнымъ приставникомъ въ дому Божіи. Слышишь, что говоритъ Небесный Домовладыка? **НО СОБИРАЙТЕ, скопляйте СЕБѢ СОКРОВИЩА добрыхъ дѣлъ НА НЕБѢ, ГДѢ НИ МОЛЬ, НИ РЖА НЕ ИСТРЕБЛЯЕТЪ И ГДѢ ВОРЫ НЕ ПОДКОПЫВАЮТЪ И НЕ КРАДУТЪ.** Тамъ ничто не пропадаетъ и не портится; тамъ все прочно, вѣчно; туда пересылайте свои тлѣнныя земныя сокровища. «Поднимите, говоритъ блаженный Августинъ, свои плоды въ «верхнюю», небесную житницу, гдѣ имъ не могутъ угрожать опасности, неизбѣж-

няя въ житницѣ «нижней», земной. Вы вѣрите въ Бога? Вы на Него надѣетесь? Такъ почему же вы Ему не довѣряете и не признаете, что все порученное Ему здѣсь, будетъ вами найдено тамъ?» — «Дай, говорить св. Афанасій Великій, бѣдному и нищему, что нужно ему, и найдешь все это цѣлымъ, неоскверненнымъ, неповрежденнымъ на небѣ». — «Чего страшишься ты, вопрошаетъ св. Златоустъ: ужели истощится твое богатство, если подашь милостыню? Нѣтъ, подавай милостыню, и тогда оно не истощится, но еще приумножится, ибо къ нему присовокупятся и блага небесныя». — «Червь и тля, пишетъ одинъ древній толкователь Писанія, обозначаютъ зародившуюся въ душѣ тщеславную мысль, которая поѣдаетъ тайно все наше душевное добро, а подкапывающіеся воры — это мірскія похвалы, которыя крадутъ у насъ скрытыя сокровища добродѣтели». Чрезъ похвалу человѣческую врагъ-искуситель нашъ находитъ себѣ доступъ къ нашему сердцу, зараженному ядомъ грѣховнаго самоугожденія, и возбуждаетъ въ насъ сначала страсть тщеславія, а за нею и гордости, которою палъ съ неба самъ. Нѣкто изъ прозорливцевъ рассказывалъ преподобному Іоанну Лѣствичнику: «когда я сидѣлъ въ собраніи братій, бѣсъ тщеславія и бѣсъ гордости пришли и сѣли при мнѣ, по ту и другую сторону; и первый толкалъ меня въ бокъ тщеславнымъ перстомъ своимъ, побуждая рассказать о какомъ нибудь моемъ видѣніи или дѣланіи, которое я совершилъ въ пустынѣ. Но какъ только я успѣлъ отразить его, сказавъ: «да постыдятся и посрамятся всѣ ищущіе погибели душѣ моей» (Пс. 39, 15), тотчасъ же сидѣвшій по лѣвую сторону говорить мнѣ на ухо: «благо же, благо же ты сотворилъ и сталъ великъ, побѣдивъ безстыднѣйшую матеръ мою». Тогда я, обратившись къ нему, произнесъ слова, слѣдующія по порядку послѣ сказаннаго мною стиха: «да смятутся отъ посрамленія своего говорящіе мнѣ: хорошо! хорошо!» (Пс. 39, 16). Преподобный Іоаннъ спросилъ этого прозорливца: какъ тщеславіе бываетъ матерію гордости? и онъ отвѣчалъ ему: «похвалы надмеваютъ душу, когда же душа вознесется, тогда объемлетъ ее гордость, которая возводитъ до небесъ и низводитъ до безднѣ».

Непрочно, обманчиво всякое земное сокровище; но если бы оно и прочно было, уже одно то, что люди прилѣпляются къ нему всѣмъ сердцемъ и ради него забываютъ Бога, есть великое зло и бѣдствіе для души. Почему? Потому что ты становишься тогда рабомъ земныхъ твоихъ сокровищъ, го-

ворить святой Златоустъ. ИБО ГДѢ СОКРОВИЩЕ ВАШЕ, гдѣ то, чего вы желаете, о чемъ заботитесь, что любите, ТАМЪ БУДЕТЪ И СЕРДЦЕ ВАШЕ, туда будутъ постоянно устремлены и взоры ваши, желанія ваши, ибо гдѣ сердце человѣка, тамъ и весь человѣкъ, вся судьба его. «Если, говоритъ святитель Филаретъ Московскій, сокровище твое на землѣ, то не думай, чтобы сердце твое нашлось на небеси — у Бога». — «Не малый для тебя вредъ, говоритъ св. Златоустъ, если ты будешь прилѣпленъ къ земному, отпадеши отъ небеснаго, будешь думать только о деньгахъ, о процентахъ, о долгахъ, о прибыляхъ... Что можетъ быть бѣдственнѣе этого? Сколько не бесѣдуй съ тобою, имѣя умъ, пригвожденный къ богатству, ты не можешь услышать ничего полезнаго и необходимаго для тебя». Твое сердце не тронется мольбами несчастныхъ вдовъ и сиротъ; оно такъ же холодно, какъ металлъ, къ которому прилѣпилось... Угрюмый и суровый, ты отъ всѣхъ сторонисься, всѣхъ подозрѣваешь, всего боишься... — Но не одно богатство можетъ такъ завладѣть сердцемъ человѣка: всякая страсть можетъ сдѣлаться его идоломъ, его «сокровищемъ», съ которымъ ему жаль разстаться. Посмотрите на человѣка, для котораго все сокровище сердца — это плотскія грѣховныя удовольствія. Его сердце отравлено ядомъ разврата, его воображеніе переполнено нечистотами грѣха: до того ли ему, чтобы думать о Богѣ, о небѣ, о спасеніи души? Или вотъ человѣкъ, у котораго вся душа занята заботой о почестяхъ, наградахъ, отличіяхъ, повышеніяхъ... Этотъ честолюбецъ готовъ унижаться до раболѣпства предъ сильными міра сего, хитритъ, лукавитъ, жертвуетъ совѣстью и закономъ: онъ не постоитъ ни передъ чѣмъ, лишь бы столкнуть ближняго, занять мѣсто его. Какое черствое, холодное сердце у этого человѣка! Придетъ ли ему на умъ позаботиться о будущей жизни, о царствѣ небесномъ? Его царство, его сокровище — здѣсь, на землѣ, въ почестяхъ и отличіяхъ земныхъ. А гдѣ сокровище его, тамъ и его сердце. Укажемъ еще примѣръ: Вотъ женщина, которая всю свою жизнь отдаетъ въ жертву страсти къ нарядамъ и убранствамъ. Нищій такъ не заботится о кускѣ хлѣба насущнаго, какъ она тревожится о томъ, какъ бы одѣться получше другихъ, какъ бы какая-нибудь не перешеголяла ее... А удалось это — въ сердцѣ уже подняла голову другая страсть — тщеславіе... Когда ей заботиться о дѣтяхъ? Что ей за дѣло до того, что у мужа недостаетъ средствъ на обновы для нея? И сколько огорченій, даже не-

счастій семейныхъ бываетъ изъ-за этой пустѣйшей страсти къ нарядамъ!... Найдется ли въ сердцѣ такой женщины мѣсто для Бога, для заботы о спасеніи души?... Но всѣхъ такихъ земныхъ «сокровищъ», всѣхъ грѣховныхъ привязанностей, къ которымъ склонно наше сердце, и не перечесть: сколько грѣховъ, столько и идоловъ, которымъ челоуѣкъ отдаетъ свое сердце. А для Христова ученика должно быть только одно сокровище — Богъ и святой законъ Его. Если ты любишь Бога всѣмъ сердцемъ, всѣмъ помышленіемъ твоимъ, то и всѣ жланія твои должны быть обращены къ единому Богу. Живи и на землѣ только для Бога, потому что нигдѣ ни въ чемъ не можетъ наше сердце найти мира и блаженства, кромѣ единаго Бога. А Онъ обитаетъ только въ чистой совѣсти, и Самъ, Своею благодатію, приходитъ въ наше сердце, но только тогда, когда тамъ будетъ для Него мѣсто чисто, а не скверно...

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ОТЕЧНИКА.

Одинъ изъ старцевъ сдѣлался боленъ, и въ теченіе многихъ дней не могъ употреблять никакой пищи. Ученикъ его убѣдительно просилъ его, чтобъ онъ позволилъ приготовить для него немного киселя. Старецъ согласился. У нихъ былъ сосудъ съ медомъ, и другой подобный сосудецъ съ масломъ, выжатымъ изъ льняного сѣмени; масло это уже протухло и не годилось ни для какого употребленія, развѣ для лампы. Братъ по ошибкѣ положилъ въ пригосвоенную имъ пищу масло, полагая, что кладетъ медъ. Старецъ отвѣдалъ, не сказалъ ничего, но молча сталъ ѣсть. Когда была подана третья перемѣна, старецъ сказалъ ученику: сынъ! я не могу болѣе ѣсть. Эстетъ, желая, чтобъ онъ еще поѣлъ, сказалъ: авва! кисель хорошъ, и я поѣмъ его. Съ этими словами онъ отвѣдалъ, — и понялъ сдѣланную имъ ошибку. Онъ палъ къ ногамъ старца, говоря: увы мнѣ, авва! я убилъ тебя. Какой грѣхъ возложилъ ты на меня, ничего не сказавъ мнѣ! Отвѣчалъ ему старецъ: не огорчайся! если-бы благоугодно было Богу, чтобы я вкусилъ хорошей пищи: то ты положилъ бы меду, а не того, что положилъ.

ПРИТЧА О ДВУХЪ ГОСПОДАХЪ, ИЛИ СЛУЖЕНІЕ МИРУ И СЛУЖЕНІЕ БОГУ.

Два человекѣка стояли на площади и ждали, не найметъ ли ихъ кто-нибудь себѣ въ услуженіе. Они были родные братья, но имѣли весьма различныя свойства: старшій былъ разсудителенъ и опытенъ: младшій былъ вѣтренъ, легкомысленъ и особенно склоненъ къ забавамъ и удовольствіямъ. Оба они были бѣдны и потому должны были искать себѣ занятій и пропитанія. Въ томъ же городѣ два господина искали себѣ слугъ: одинъ имѣлъ обширное хозяйство и, давая празднымъ людямъ дѣло у себя, хотѣлъ черезъ то доставить и себѣ удовольствіе, и имъ выгоду: другой же, хотя не занимался хозяйствомъ, но былъ тщеславенъ и всегда завидовалъ первому, а потому собиралъ у себя въ домѣ, какъ можно болѣе слугъ, чтобы блистать пышностію и великолѣпіемъ. Посланные отъ обоихъ господъ, пришли на площадь и стали звать обоихъ братьевъ, каждый къ своему господину. Одинъ говорилъ: «идите служить къ намъ: нашъ господинъ богатъ и щедръ: много у него работы, но велика и награда: надобно быть только прилежнымъ и вѣрнымъ, и онъ сдѣлаетъ васъ на вѣкъ счастливыми». Другой говоритъ: «нѣтъ, идите лучше къ намъ: у нашего господина совсѣмъ нѣтъ никакой работы, а нужны ему люди только для легкихъ услугъ въ домѣ; у насъ вы будете проводить время въ удовольствіяхъ; о содержаніи же и платѣ и говорить нечего: увидите сами, какъ онъ щедро награждаетъ служащихъ ему».

Братья долго думали и не рѣшались, куда имъ идти. Старшій предпочелъ перваго господина, а младшій плѣнился описаніемъ веселой и пріятной жизни у послѣдняго, и рѣшился непременно идти къ нему. Такимъ образомъ, братья, хотя съ нѣкоторымъ прискорбіемъ, рѣшили разлучиться. Впрочемъ, чтобы знать, кто влачнѣе сдѣлалъ выборъ, положили въ каждую недѣлю одинъ разъ видѣться и разсказывать другъ другу о своемъ житѣѣ.

По истеченіи недѣли оба брата, по условію, увидѣлись. — «Какъ живешь, братъ, спросилъ младшій, каковъ твой господинъ, какъ тебя принялъ? Ты что-то не весель и унылъ: видно, тебѣ не посчастливилось». — «Не знаю, что тебѣ сказать на это: я и доволенъ, и нѣтъ, отвѣчалъ старшій братъ. Господинъ нашъ, какъ видно, человекъ богатый и весьма добрый. Принялъ меня и важно, и ласково, обѣ-

щать щедро награждать, если буду исправенъ и вѣренъ, и, не отлагая надолго, потъ же часъ назначилъ мнѣ дѣло и велѣлъ идти на работу. «Время дорого, говорилъ онъ, не надобно терять ни минуты». Содержитъ насъ хорошо: о каждомъ печется, какъ о родномъ: самъ наблюдаетъ, всѣ ли довольны и здоровы. Хорошо бы намъ жить у него, да слишкомъ много дѣла. Я немного пожилъ, а ужъ измучился отъ трудовъ. А ты какъ живешь?» — «О, я не живу, а блаженствую. Нашъ господинъ самый любезный человекъ въ свѣтѣ. Какой у него богатый домъ! Вездѣ золото и серебро, либо мраморъ. А какъ онъ меня принялъ! Это, кажется, не господинъ, а другъ и товарищъ. Все мое дѣло состоитъ въ томъ, чтобы или провожать господина въ театръ, на охоту, въ гости, или принимать гостей, доставлять имъ удовольствія, забавлять ихъ, и только. Прошла цѣлая недѣля, а я и не видѣлъ ея. Какое содержаніе! Не только пища та же, какую самъ употребляетъ, но и вино позволяетъ намъ употреблять, сколько хотимъ... Я бы совѣтовалъ и тебѣ къ намъ же перейти». — «Посмотрю, что будетъ далѣе, — сказалъ старшій братъ: — если не будетъ мнѣ легче, то я, кажется, рѣшусь на это. Черезъ недѣлю скажу тебѣ, что надумую».

Недѣля прошла, и братья снова увидѣлись. — «Что, рѣшился ли ты оставить своего строгаго господина? — спросилъ младшій братъ. — Нѣтъ, — отвѣчалъ старшій, — теперь и не подумаю никогда отходить отъ своего господина: я вижу, что живу въ добромъ мѣстѣ; господинъ нашъ самый добрый и благородный человекъ; какіе богатые подарки онъ намъ дѣлаетъ». — «Но вѣдь ты говорилъ, что у него трудно; развѣ теперь вамъ меньше дѣла?» — «Нѣтъ, не меньше, но я нынѣ привыкъ къ трудамъ. Теперь мнѣ ничего не стоитъ встать съ восходомъ солнца и заниматься весь день. Даже я не могу понять, какъ я прежде могъ жить безъ занятія и труда, какъ и ты теперь живешь, — я, думаю, ты долженъ скучать». — «О, не заботься обо мнѣ, отвѣчалъ младшій братъ. Я не вижу, какъ время бѣжитъ. У насъ удовольствія столь разнообразны и столь ихъ много, что скучѣ не можетъ быть мѣста». — «А ты отчего томень и блѣдень: ужъ здоровъ ли ты?» — спросилъ старшій. — «О, ничепо, — отвѣчалъ младшій, — это, конечно, оттого, что я ночью мало спалъ, потому что до самой зари веселился съ гостями. Да и теперь мнѣ время итти домой и приготовиться къ принятію гостей. Прощай».

Еще прошла недѣля, и братья опять свидѣлись. — «Здоровъ ли, братъ любезный? Ты блѣденъ и худъ, тебя едва узнать можно». — «Ахъ, я едва могу ходить. Кажется, ничего трудного не дѣлалъ, проводилъ время въ однихъ пирахъ и забавахъ, но и они меня такъ истомили и измучили, что я начинаю опасаться, чтобы не случилось со мною чего худого». — «Я предугадывалъ, что это случится съ тобою, но только не посмѣлъ говорить тебѣ, потому что тогда ты бы меня не послушалъ. Но послушай теперь, братъ любезный, послушай совѣта искренняго: перемѣни образъ жизни: оставь своего господина. Ты немного послужилъ у него, но такъ изнурился, а что будетъ послѣ? Что будетъ, если онъ тебя сошлетъ отъ себя, когда ты не въ состоянїи будешь служить ему? чѣмъ ты будешь жить тогда? Подумай объ этомъ».

— «Я уже самъ это думаю и располагаю отойти отъ своего господина, — только теперь нельзя этого сдѣлать, надобно кончить нѣкоторые дѣла. На слѣдующей недѣлѣ надѣюсь быть свободенъ».

Черезъ недѣлю старшій братъ пришелъ на мѣсто свиданія, но младшаго тамъ не было. Долго ждалъ онъ его и, не дождавшись, наконецъ, рѣшился итти къ нему на домъ. «Не боленъ ли онъ, надобно посѣтить его». Подходя къ дому, онъ еще издали слышитъ тамъ громкую музыку и, подумавъ, что братъ его, конечно, занятъ принятїемъ гостей, хотѣлъ итти назадъ. Но въ какое онъ пришелъ изумленіе, когда въ недалекомъ отъ себя растоянїи услышалъ стонъ и потомъ увидѣлъ своего брата, лежащаго на голой землѣ. — «Что съ тобой, братъ? Какимъ образомъ ты очутился здѣсь, и въ такомъ жалкомъ положенїи?» — «Увы, отвѣчалъ тотъ, — сколько я былъ безуменъ, что служилъ господину, который не имѣетъ ни чувства, ни совѣсти, который только обольщаетъ бѣдныхъ людей приманкою прїятной службы, а послѣ, вотъ видишь, какъ за нее награждаетъ. Услышавъ о моей болѣзни, хозяинъ тотчасъ сказалъ мнѣ, что болѣе не имѣетъ во мнѣ нужды, и что, слѣдовательно, я долженъ искать себѣ другое мѣсто. Я представлялъ ему мое усердіе къ служенїю, но онъ сдѣлалъ знакъ слугамъ, и они насильно вывели меня за ворота и оставили здѣсь умирать отъ болѣзни и горести». — «Несчастный братъ, — сказалъ старшій, — твое легкомысліе погубило тебя. Но, если выздоровѣешь, надѣешься ли ты преодолѣть свою склонность къ забавамъ и нѣгѣ и трудиться, сколько силъ станеть? Въ та-

комъ случаѣ я бы сказалъ о тебѣ моему господину: онъ, по своему милосердію къ бѣднымъ, вѣрно не отринетъ тебя, несмотря на то, что ты служилъ у врага его, и приложить о тебѣ попеченіе, какъ отецъ. Только обѣщай впередъ служить ему одному, сколько позволятъ твои силы: у насъ тебѣ будетъ хорошо».

У бѣднаго появились слезы на глазахъ. — «Веди меня къ нему», сказалъ онъ, и тотчасъ же побрелъ, хотя и съ трудомъ, опираясь на плечо своего брата, къ новому господину. Милосердный господинъ милосердно его принялъ, обласкалъ, успокоилъ, скоро исцѣлилъ отъ болѣзней, приохотилъ къ трудамъ и сдѣлалъ его счастливымъ человекомъ.

Вотъ смыслъ этой притчи: братья — это всѣ мы; господинъ, сперва принявшій къ себѣ столь ласково, а потомъ изгнавшій отъ себя столь презрительно меньшаго брата, — это міръ, который обманываетъ людей ложнымъ видомъ своего богатства, увлекаетъ приманкою непрестанныхъ забавъ и удовольствій, и потомъ оставляетъ на явную гибель; другой господинъ, строгій, но справедливый и благій, коему служить старшій братъ, — это Богъ, Который, давъ намъ краткое время жизни, требуетъ, чтобы мы всѣ минуты ея безъ малѣйшаго опущенія проводили въ трудахъ. Служеніе Богу сначала кажется тяжкимъ и труднымъ, но потомъ легкимъ и приятнымъ, и оканчивается приобрѣтеніемъ отъ Него богатѣйшаго наслѣдія — царства небеснаго. Блаженъ, кто въ служеніи Богу проводитъ все время своей жизни. Счастливъ и тотъ, кто хотя и служилъ міру, но увидѣлъ его обманъ и пришелъ къ Богу съ искреннимъ раскаяніемъ и готовностію впередъ служить Ему одному. Но горе тому, кто всю жизнь свою служитъ міру и умираетъ слугою міра. (Изъ журнала «Христ. Чтеніе»).

Увы, душа моя! Зачѣмъ нерадишь ты о жизни своей? Зачѣмъ въ разсѣяніи проводишь немногіе дни ея? Не знаешь развѣ, что вотъ-вотъ позовутъ тебя?

Св. Ефремъ Сиринъ.

Наша обязанность — всегда, всю жизнь нашу вести себя такъ, чтобы, когда стануть звать насъ изъ этой жизни, немедленно сказать: «готово сердце наше».

Свят. Іоаннъ Златоустъ.